

Фабр Жан Анри

Жизнь насекомых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Анри Ф.**
Жизнь насекомых / Фабр Жан Анри – М.: Книга по Требованию, 2022. –
402 с.

ISBN 978-5-519-78611-9

ISBN 978-5-519-78611-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

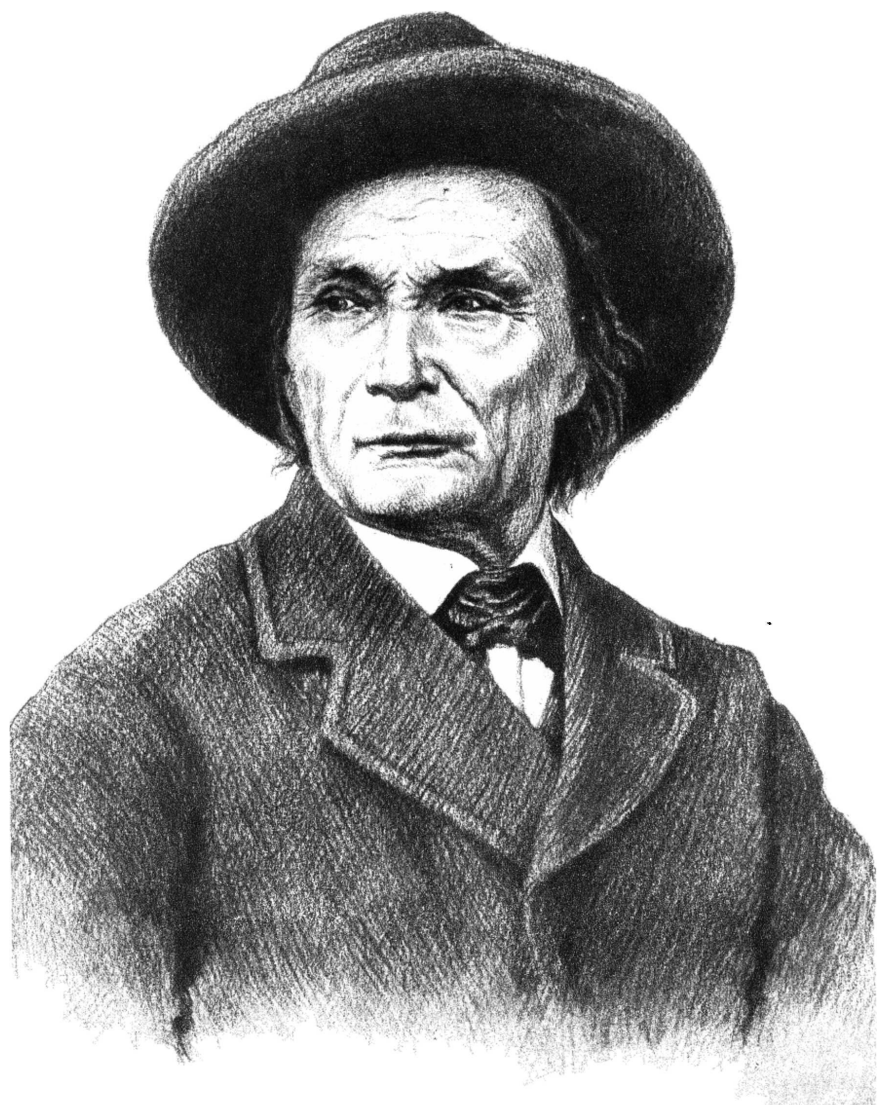
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЖАН АНРИ ФАБР

ЖАН АНРИ ФАБР (1823 — 1915)

ИЗ ШКОЛЫ В ШКОЛУ

Жан-Анри Фабр родился в 1823 году в маленькой деревушке южной Франции. Его отец пас коров и сеял рожь, но рожь родилась плохо на маленьком каменистом участке. По вечерам вместо лампы в каменной плешке трещала просмоленная стружка, бабушка пряла и под жужжание прядки рассказывала внуку сказки про страшных великанов, про принцессу Ослиную Шкуру, про маркиза Карабаса и Кота в сапогах.

В холодные дни все переходили в хлев, к коровам, поросётам и овцам, потому что в хлеву было теплее, чем дома. Порой сквозь порывы ветра доносился сюда вой волков из соседнего леса.

Мальчик любил эти глухие леса, зеленые холмы и лужайки. Тут у него было много друзей — проворные жужелицы, одетые в блестящую броню; бабочки-махаоны, с красиво вырезанными крыльями, сверчки, которые дружно и весело стрекочут в долгие вечера. Вот катит свой шар, слепленный из навоза, черный упрямый жук. А за ним по пыльной дороге, по самому солнцепеку, шаркающая большими деревянными башмаками, тащится такой же упрямый мальчуган. Ему хочется знать: зачем этот жук слепил из навоза шар и куда он его катит?

Вот из кокона, большого и твердого, выползает какой-то противный червяк. Это не „червяк“, — это бабочка, но у нее вместо

крыльев жалкие комочки. Скоро они развернутся — четыре огромных пушистых крыла, и на каждом крыле чудесными яркими красками будет нарисован лиловый глазок.

По ветке ползет гусеница пяденицы. Как смешно она шагает! Раз! — подтянула задний конец к голове, скрючилась в петлю. Два! — выбросила голову вперед. Три! — опять подтянула „хвост“. Она ползет так, будто мерит прутик.

Вот где была первая школа Анри Фабра.

А вот и вторая! Тесная каморка Пьера Рикара. Пьер Рикар — и учитель, и цирюльник, и звонарь, и церковный певчий сразу. Половину его комнаты занимает огромная печь. Маленький Анри шагает в школу; за пазухой у него букварь, подмышкой полено: каждый школьник должен принести свое полено, иначе его не пустят в школу — ведь нужно топить эту большую печь. Посреди урока в каморку вбегают поросята — погреться, а куры и вовсе не хотят уходить отсюда.

Эта школа очень нравилась Фабру. До глубокой старости он с большой любовью вспоминает ее, так же как и маленький отцовский садик, развесистый ясень, в ветвях которого он впервые нашел гнездо щегла, болото у околицы деревни, где он в первый раз услышал звонкий, как колокольчик, голос лягушки — жерлянки.

„Помнишь, — пишет он в письме своему

Дом, где родился Фабр.

брату Фредерику, — какие счастливые это были времена? Как хорошо было валяться на солнышке, на мшистом ковре Везенского леса, уплетать сметану с черным хлебом, вызванивать на колоколах в часовне, дергать за хвост быков на лугу!"

Апри было десять лет, когда его отец решил переселиться в город.

Вся семья пересახла в маленький городок Родэз.

Отец открыл тут кафе, а мальчики стали ходить в городскую школу. Доход от кафе был очень мал, и, чтобы заплатить за учебу в школе, маленькому Апри пришлось служить в церкви по воскресеньям.

Апри учился охотно.

Учитель рисовал на доске круглое море и корабль, который понемногу выходит из-за

горизонта: сперва верхушка мачты, потом паруса и снасти, наконец, и весь корабль (значит, земля действительно круглая). Даже латинскую грамматику интересно учить. Вот, например, все слова, которые кончаются на *is*, — женского рода. Из этого правила, конечно, есть исключения, а из этих исключений почему-то получается смешной стишок.

У шелковицы красный сок, потому что, говорят, когда-то эти ягоды обрызгала горячая кровь Пирама. Неужели это правда? Нет, это просто древняя красивая сказка; как хорошо рассказал ее Овидий! Но больше всего полюбил Апри стихи Вергилия, потому что Вергилий лучше всех других поэтов рисовал в своих стихах луга и леса и маленьких их обитателей.

Четыре года Анри проучился в Родэзе. Между тем, дела у отца шли плохо, ему нечем было кормить семью. Переехали в Тулузу, где Анри кончил пятый класс. Из Тулузы перекочевали в Монпелье, и Анри распрощался с учением и отправился зарабатывать хлеб.

Сегодня он бродит по ярмаркам, по площадям с корзиной лимонов и кричит во все горло: „Кому лимонов?“

А завтра берется за лопату и вместе с сотней-другой землекопов строит полотно новой железной дороги от Бокэра до Нима. В полдень его товарищи забираются в тень, обедают куском козьего сыра, ломтем хлеба и фляжкой кислого вина. Один Анри без обеда, потому что он отдал последние гроши за книжонку стихов. Беда невелика: он сорвет украдкой гроздь винограда в придорожном саду, заморит как-нибудь червячка. Анри лежит в холодке, рядом со своей лопатой. По рукоятке лопаты ползет жук с блестящими черными надкрыльями в матовых белых пятнышках: это мраморный хрущ. Если взять его в руку, он издает тихий звук:

слышно тонкое дребезжание, будто кто-то трет мокрым пальцем по оконному стеклу. Анри забывает и усталость и голод, любясь красавцем жуком.

Не легко жилось Анри в эти годы, но он не забывал об ученье. Когда в соседней школе, в городе Авиньоне, объявлено было соревнование на место стипендиата, Анри сдал испытания лучше всех и снова уселся за парту: он завоевал право учиться бесплатно. Тут, в авиньонской школе, он и учился, пока не кончил ее. Его брат Фредерик пришел ему на смену: он тоже победил на испытаниях всех своих соперников.

„Возьми Virgilia, — писал брату Анри, — возьми словарь и грамматику и переводы, переводы... Представь себе, что перед тобой древняя, наполовину стертая надпись. Не робей: где не хватает слов, там поможет тебе смекалка“.

Анри ведь и сам научился так латыни и греческому. У него был ясный ум, жадность к знаниям и упорство муравья, который тащит тяжелый листок по неровной дороге.

УЧИТЕЛЬ ИЗ КАРПАНТРА

Ученик превратился в учителя. С новеньким дипломом в кармане Фабр отправился в маленький городок Карпантра: он должен был там руководить начальной школой.

„Забавная это была школа, честное слово, — писал Фабр много лет спустя. — Нечто вроде большого погреба, пропитанного сыростью; сырость сочилась с улицы, от водопроводного крана. Днем, если позволяла погода, двери наружу были открыты; узенькое тюремное окошко затемняла железная решетка. По стенам вместо скамей — доски, посредине дырявый стул и черная доска.“

Утром и вечером, под удары колокола, сюда вваливалось полсотни сорванцов. Тут были и маленькие ребятишки и большие парни. В одном они были единодушны — в каверзах против учителя, чересчур молодого учителя, который был моложе многих из них.

Малышей я учил читать по слогам; другие учились держать в руках перо и тут же, у себя на коленях, писали нехитрую диктовку; перед самыми старшими я раскрывал уже секреты дробей и даже тайны гипотенузы. А для того чтобы держать в руках этот беспокойный народ и каждой голове давать посильную работу, чтобы гнать скуку прочь из темного зала, стены которого источали еще больше тоски, чем сырости, — единственным средством для этого у меня было слово, единственным оборудованием — кусок мела.

В средней школе дела тоже обстояли не лучше. Все предметы, кроме латыни и греческого, были в забросе. Я вспомню один только случай, чтобы показать, как в ту пору поставлено было преподавание физических наук.

Начальником колледжа был милейший человек — аббат Х***. Ему наскучило возиться с зеленым горохом и салом — он взялся за преподавание физики. Заглянем на один из его уроков. Речь идет о барометре. К счастью, таковой имеется в нашей школе. Это старинный, покрытый пылью прибор; он висит высоко на стене, подальше от непочтительных рук. На дощечке его большими буквами написаны слова: „буря“, „дождь“, „ясная погода“.

— Барометр, — говорит наш добрый аббат, обращаясь к своим ученикам, — барометр предсказывает хорошую и дурную погоду. Видишь слова на дощечке: „буря“, „дождь“? Видишь, а, Бастьен?

— Вижу, — отвечает Бастьен — самый бедовый из всей ватаги ребят. Он давно уже прочитал свой учебник от корки до корки, он знаком с барометром лучше, чем его учитель.

— Он состоит, — продолжает аббат, — из стеклянной изогнутой трубки, наполненной ртутью, которая то поднимается, то опускается, смотря по погоде. Нижний конец этой трубки открыт; другой конец... другой конец... ну, впрочем, это мы посмотрим. Ты, Бастьен, повыше других — встань на стул и пощупай пальцем, открыт второй конец барометра или закрыт. Я что-то позабыл, как должно быть.

Бастьен подходит к стулу, поднимается на носки и щупает пальцем конец длинной трубки. Потом с лукавой улыбкой оборачивается к учителю:

— Да, — говорит он, — так и есть. Длинный конец действительно открыт. Видите, я трогаю отверстие.

Чтобы подкрепить свой обман, Бастьен продолжает водить пальцем по верхнему концу трубки. Товарищи его, соучастники веселой проделки, напрягают все силы, чтобы удержаться от хохота.

Аббат заявляет невозмутимо:

— Ну, хватит. Слезай, Бастьен. Запишите теперь, господа, что верхний конец барометра открыт. Иначе легко позабыть это. Видите, даже я позабыл.

Так шло у нас преподавание физики. Однако, понемногу работа в школе улучшалась. Я получил, наконец, столы, чтобы ребята могли писать как следует, а не царапать у себя на коленях; так как учеников с каждым днем становилось больше, мой класс разделили на две группы. Для младших ребят мне дали помощника, и дело пошло на лад“.

Не сладко жилось в ту пору народному учителю. Фабр получал очень маленькое жалование — „его едва хватало на горох“. Но он любил свою работу. Когда он входил в класс, его встречали десятки блестящих глаз, и он забывал все свои невзгоды.

„Мои ученики, — говорил он себе, — пришли из деревни; они вернутся туда и будут обрабатывать землю. Я должен показать им, каков состав почвы, чем питается растение. Другие будут работать в промышленности. Они станут кожевниками, литейщиками; этот будет варить мыло, этот — мариновать сельдь. Надо познакомить их и с заготовкой рыбы, и с мыловарением, и с дублением кожи, и с особенностями различных металлов“.

Молодому учителю не хватало опыта, не хватало знаний. Ну, что же, он учится сам. Учится жадно, упорно, чтобы передать свои знания другим. В школе нет никакого оборудования. Но Фабр не привык отступать перед трудностями. Он учит ребят и химии, и физике; в его маленькой лаборатории вместо тигелей — головки курительных трубок, вместо реторт — пузырьки из-под анисовых капель. Но самым любимым предметом для Фабра и его учеников была геометрия в открытом поле. Два раза в неделю, вооружившись землемерными инструментами, шумный отряд отправлялся на каменистые пустыри для практических занятий. Тут просто, тут хватит места для построения любых треугольников, трапеций, многоугольников. Равнину не окинуть глазом, она вся заросла цветущим тмином.

Старая голубятня служила вертикалью при наблюдениях. До садов далеко — зеленые абрикосы не введут в искушение озорных школяров. Они находили другое развлечение:

на камнях пустыря лепит из земли свои гнезда пчела-каменщица, халикодома; землемеры шарили повсюду, разыскивая ее гнезда. В этих гнездах есть мед, его можно высосать через соломинку. Ученики научили своего учителя лакомиться этим медом, и учитель забыл свои землемерные вехи и принялся вместе с ними разыскивать гнезда пчел-халикодом.

Это был важный день в жизни Фабра. Ему захотелось узнать побольше о жизни этой запасливой пчелки, а он видел в книжной лавке большую, красивую книгу: Бланшар, Кастельно и Люк — „Естественная история членистых животных“.

Как дорого стояла эта книга! За нее нужно было отдать месячное жалование. Но в книге было столько чудесных рисунков! Один месяц поголодать для науки нетрудно. Фабр купил книгу и прочитал ее залпом. Он узнал из нее много замечательных фактов из жизни насекомых; он впервые встретил в ней имена знаменитых энтомологов — Реомюра, Губера, Дюфура. Сотни раз перелистывал Фабр эту книгу, повторяя про себя: „Когда-нибудь я тоже стану исследователем животных!“

Молодой учитель увлекался не одними только насекомыми. Он понял, что камни, по которым мы ходим, — это страницы за-

мечательной книги, страницы истории земли. Черный базальт рассказывает нам о страшных извержениях вулканов, кусочек мела — о живых существах, населявших нашу планету миллионы лет назад. А растения? Вот этот папоротник рассказывает о тех временах, когда не было еще на земле человека, и чудовищные ящеры грелись на солнышке там, где сейчас стоит Карпантра.

Фабр стал собирать гербарий. Тут, вокруг Карпантра не было многих растений, которые Фабр встречал в детстве, на родине. Когда брат его на каникулы собрался в родные края, Фабр послал ему большое письмо; он просил Фредерика привезти те растения, которых ему не хватало. Он отлично запомнил, какие там были растения, где их нужно было искать.

„Привези, — писал он, — парнассию болотную, которая растет по низинам, за деревней, на опушке букового леса; у нее великолепный белый цветок на конце чуть-чуть изогнутого стебля, а посередине овальный лист. Привези наперстянку — ее красные цветы, похожие на пальцы перчатки, можно встретить у дороги. Помни, что всякое растение чем-нибудь да замечательно, будь то хоть самый невзрачный стебелек мха“.

Молодой учитель из Карпантра, сам того не замечая, превращался в ученого-натуралиста.

„НАТУРАЛИСТОМ НУЖНО РОДИТЬСЯ“

В жизни Фабра было много тяжелых дней, месяцев и лет. Первый ребенок его заболел и умер; не было денег, чтобы прокормить семью; Фабр перерос свою маленькую школу в Карпантра; ему нигде было тут развернуть свои способности: не все же учить малышей грамоте! Фабру хотелось получить такую работу, где он мог бы использовать все свои знания. В несколько месяцев он сдал два серьезных экзамена и получил право преподавать математику и физику в средней школе.

Но перейти из низшей школы в среднюю

было совсем не легко. Все места были заняты. Наконец, освободилось место преподавателя математики в Турноне. Начальство посадило сюда какого-то невежду, а Фабр остался не при чем. Освободилось место в Авиньоне — опять оно ускользнуло от Фабра. Он не умел подлаживаться к начальству. Год уходил за годом, а Фабр все сидел в Карпантра. Так прошло семь долгих, томительных лет.

Наконец, он получил новое назначение: Фабра послали преподавателем физики в среднюю школу в Аяччио, на остров Корси-

ку. Его гостеприимно встретили здесь дремучие леса и горные склоны, заросшие цветами, миртовые рощи, столетние каштаны. Сам не свой от счастья, Фабр бродил по берегу моря. Ласковые волны подбегали к его ногам, оставляя на песке разноцветные раковины.

У моих ног — искрающееся, безбрежное море, — писал он брату, — а над головой — грозные гранитные скалы. Белый, нарядный город у самой воды; бесконечные заросли миртов, от которых веет опьяняющим ароматом; кустарники, покрывающие горы от подошвы до вершины; парусники рыбаков, скользящие по заливу, — все это так великомерно, что всякий, увидавший эту красоту однажды, никогда не захочет с ней расстаться“.

Фабр горячо полюбил этот край. Он смотрит на величественные отроги гор глазами ученого и поэта. Эти утесы, изломанные резким климатом, выветрившиеся на протяжении тысячелетий, рассказывают ему, как менялось лицо нашей земли.

„Невозможно описать это головокружительное зрелище, этот хаос скал, громопадающих в ужасающем беспорядке. Когда, закрыв глаза, я мысленно озираю эти следы катастроф, когда я прислушиваюсь к клеточке орлов, которые камнем падают в бездонные черные пропасти, куда и взгляд не смеет проникнуть, — голова у меня начинает кружиться, и я раскрываю глаза, чтобы успокоить свое волнение...“

Каждое утро, с куском хлеба в кармане,

молодой учитель отправляется бродить по взморью. Он собирает раковины моллюсков, выброшенные морем. Ему хочется написать большую работу о моллюсках Корсики. Каждая раковинка — это маленькое чудо. Недавно ведь великий математик Лейбниц тончайшими расчетами доказал неподражаемое совершенство спирали в раковине улитки!

Но этого мало. По раковинам, которые мы находим в пластах земли, можно определить возраст и происхождение горных пород. Раковины моллюсков — морских, речных, сухопутных, нынешних и ископаемых — это огромная библиотека земли. Может ли быть что-нибудь увлекательнее такого чтения? Фабр собирает все виды раковин, какие может найти. Изучает их, описывает, классифицирует, рисует тончайшие акварельные портреты своих любимцев. Он бредит геологией.

Но у него находится время и для математики. Разве можно без математики познать строение вселенной?

Ночи напролет Фабр просиживает над алгеброй, над аналитической геометрией. Он откладывает в сторону акварельные краски, которыми только что рисовал раковины, и принимается за стихи. Он пишет яркую, взволнованную поэму „Число“.

Все же Фабр уже знает, что будет натуралистом, а не математиком.

„Геометром можно стать, натуралистом нужно родиться, — пишет он брату, — и ты отлично знаешь, что излюбленная моя наука — это естественная история“.

ОСА-ЦЕРЦЕРИС — УБИЙЦА ЗЛАТОК

Малария прогнала Фабра с Корсики. После многих тяжелых приступов болезни Фабр уложил свои коллекции, вся семья погрузилась на пакетбот и навсегда распрощалась с Аяччио. Фабр вернулся в родной Прованс, получив назначение в авиньонский лицей.

Но в жизни ученого бывают перемены гораздо более важные, чем перемена места

жительства. Однажды вечером, сидя у потухшего очага, Фабр наслаждался редкими для него спокойными часами.

Дети давно уже спали; он позабыл за книгой свои учительские заботы, безденежье, тревогу о завтрашнем дне. Книга попалась Фабру так же случайно, как когда-то „Естественная история членистоногих“. Он пере-